

Сегодня у нас в гостях Мария Юдкевич, проректор национального исследовательского университета Высшей школы экономики и директор института институциональных исследований, а в прошлом - мой преподаватель институциональной экономики. Маша, здравствуй!

Маш, привет.

У тебя только что вышла книга в соавторстве с Ярославом Кузьминовым “Университеты России: как это работает”. Расскажи о ней, пожалуйста.

Ну, прежде всего, хочу сказать, что, конечно, профессия преподавателя уникальна в том смысле, что мы всё время имеем дело с последствиями нашего ремесла [смех], и в этом смысле мне очень приятно, что у меня есть такое последствие тоже. Вот. Очень рада с тобой сегодня поговорить.

Про нашу книжку. Это такая большая работа, в которой мы хотели рассказать про то, как вообще устроена система высшего образования. Не дать какой-то такой ммм нумерологический, описательный, повествовательный рассказ - сколько в ней студентов, сколько в ней университетов, какие правила её обуславливают, а рассказать, что лежит в основе этой системы. И, на самом деле, вообще система высшего образования - то, как она устроена, то, как устроены университеты - это слепок того, как устроено общество. Поэтому когда думаешь о книжке про университеты, на самом деле, в первую очередь думаешь о том, как устроено общество, и пытаешься через рассказ про университеты что-то понять про общественное устройство. И в этом смысле университетская история, которая начинается с первой половины XVIII века, - это история не про башню из слоновой кости, которая строилась, там, из разных материалов, а это рассказ о том, каким образом устроено общество и как это общество меняется. И в нашей книжке мы как раз пытались рассказать про современный университет, но рассказать при этом, как этот университет, существующий сегодня, обусловлен тем, как была устроена наша страна вчера, 20 лет назад, 100 лет назад, и показать эту историю.

А вот в этом смысле тогда возникает такой вопрос: насколько я понимаю - это так, видимо, бывает с академическими книжками - книгу вы писали несколько лет, и за это время, вероятно, - у нас довольно динамично всё - и вероятно, собственно, объект вашего описания - система высшего образования в России - тоже менялся. А как с этим вообще работать, если объект изучения и описания большой книги меняется на глазах?

Да, это прекрасный вопрос. У нас была очень оптимистичная мысль по этому поводу: мы думали уложиться в год. Ну, примерно так прикинули: 10 глав, вот каждая глава посвящена определенной теме, на главу должен идти месяц, еще 2 месяца мы будем обсуждать, что получилось в целом - и вот, вот, вот через год всё напишем. И этот разговор у нас был где-то в 2015, наверное, году. Если вспомнить систему высшего образования 2015-го года, то то, что мы имеем сегодня - и по количеству университетов, и по количеству студентов, и по существенной части логики регулирования - это совершенно разные истории. И наша история растянулась от года до шести лет, в частности, потому что очень многие вещи менялись. Причем менялись не просто численно, например была тысяча университетов, а стало 700 с копейками, а менялись некоторые фундаментальные принципы: то, как устроены университетские зарплаты, то, как устроено попадание в университеты - ещё какие-то вот такие важные вещи. И в какой-то момент мы просто поняли, что мы возвращаемся к переписыванию истории раз за разом. И это было довольно депрессивным ощущением, потому что тоже в какой-то момент стало понятно, что даже если мы в какой-то момент остановимся, то то, что мы опубликуем, будет уже устаревшим - в очень многих смыслах. А потом стало понятно, что если в первую очередь фокусироваться не на цифрах и фактах, а описывать логику изменений, то эта логика, на самом деле, в существенной степени сохраняется - что сегодня, что в конце восьмидесятых годов, что в начале XX века. Это логика взаимосвязи того, что происходит внутри университета, с тем, что происходит за стенами университета. И когда мы в большей степени стали рассуждать про эту логику, эту взаимосвязь, стало понятно, что она совершенно инвариантна.

Но при этом есть, например, план каждые 5 лет делать апдейт и говорить, в каких главах что поменялось, например? Или как вообще с такими меняющимися объектами принято работать? Нужно ли вам будет потом дорассказывать, допечатывать, делать... Считаете ли вы уже сейчас, что нужно будет сделать обновлённое издание, или или в этом смысле это какая-то закрытая страница и дальше будет что-то следующее?

Хороший вопрос! Мы про это не думали. Конечно, наверное, будут какие-то обновления, связанные с обновлением цифр, и так далее, но мне кажется, что неправильно превращать это в ежегодный альманах. Мне кажется, к таким вещам надо возвращаться не через год, не через два, а, может быть, там, через десятилетие, через другое десятилетие, и уже пытаться из будущего посмотреть на вот эту самую логику и понять, изменилась она или нет. Наверное, так.

Я не читала книгу, но я посмотрела оглавление и вижу, что, в частности, в книге вы даете портрет российского студенчества. Вот ты и работаешь, собственно, со студентами уже много-много лет. А что-то вообще отличает сегодняшних российских студентов от тех, кто, например, был 10 лет назад, 20 лет назад? Что происходит со студенчеством и что про это можно рассказать? Коротко.

Коротко про студенчество рассказывать очень сложно. Но для понимания ситуации со студенчеством надо понимать несколько моментов. Первое: наше высшее образования становится очень массовым. Если в конце советского периода, например, образование получило 15-20% выпускников школы, то сейчас эта цифра увеличилась в разы. Это значит, не просто вырос масштаб системы образования - это изменился полностью портрет людей, которые приходят в ВУЗы: кто приходит в ВУЗы, зачем они приходят - это то, что они пытаются получить от университета. В этом смысле это... Да, происходит изменение портрета, но происходит, в первую очередь, изменение вот в том, что я не люблю, часто называю словом "контингент" - это совсем другие люди, приходящие в университет совсем по другому поводу.

А вот это "по другому поводу" можно как-то охарактеризовать?

Ну, вот, если мы, например, посмотрим на образование советской эпохи, это была, в первую очередь, профессиональная подготовка кадров. Вот обществу, экономике нужны были люди в этом конкретном месте, на этой конкретной фабрике, в этом конкретном учреждении - и так далее. И идея высшего образования была, в первую очередь, ну как бы сконцентрирована в том, что было понятно, куда сколько людей нужно, с какими компетенциями. Вот конкретные ВУЗы готовили конкретных людей под эти компетенции. Потом стало понятно, что нет вот этих вот ячеистых мест, а есть некоторый рынок труда, университеты должны готовить людей для рынка труда. Люди выходят из университета, начинают искать свое место. Вот ты получил, например, образование как экономист, вот устраивайся работать экономистом. Если ты устроился работать не экономистом, а директором библиотеки, это значит, университет, наверное, как-то, может быть, неправильно подходил к твоему воспитанию и образованию, потому что ты, ну, оказываешься в графе "работает не по специальности", и это должно восприниматься как некоторая неэффективность со стороны системы - университета, твоей, твоих преподавателей и так далее. И даже сейчас в массе отчетных документов есть такие графы: вот какая доля людей, окончивших какую-либо образовательную программу, работает по специальности? Считается, чем больше эта доля, тем лучше.

Но сейчас становится понятно, что вообще непонятно, что такое работать по специальности? Имеет ли смысл вообще про это говорить в таком контексте? Вот я, например, окончила тоже Высшую школу экономики, тоже, как и ты, экономический факультет. Я работаю проректором университета. Я работаю по специальности или нет? Ты работаешь по специальности или нет? Твои одногруппники? Это уже устаревшее понятие. Задача университета - уже не просто подготовить человека с определенным набором компетенций, а подготовить адаптивного, гибкого к меняющимся условиям человека, который постоянно готов получать новые знания. И вот это вот то, как университет начинает по-другому смотреть на студентов, и студенты, на самом деле, потихоньку тоже начинают по-другому смотреть на университет в этом смысле. Но про это можно говорить очень долго, конечно.

Я... да.. я из собственного страшного любопытства задам ещё один вопрос про это: а это вступает в какие-то противоречия с - это, наверное, неточная формулировка - классическими академическими задачами университета? То есть вот эта задача, которая готовит гибкого и адаптивного человека, приводит к тому, что кто-то потом не идёт... ну, что, собственно, просто потом не происходит последовательного продолжения изучения какое-то той дисциплины, которую ты изучал, потому что не на ней концентрировался, а в целом на всяком разном по дороге? Это снижает какой-то академический запал в целом, если говорить про университетское сообщество?

Если говорить про университетское сообщество - не про университет, а именно про сообщество профессоров, то, конечно, как любое сообщество, сообщество профессоров заинтересовано в самовоспроизводстве. То есть идеальная ситуация с любым профессиональным сообществом - это ситуация, когда берутся лучшие кадры и воспитываются себе подобные. Профессорам было бы очень приятно воспитывать будущих профессоров. Модель самого первого университета в том числе, там, в некоторых случаях ассоциировалась именно с тем, что профессиональное сообщество выращивало себе подобных. Сейчас от университета ждут совершенно не этого. И да, университет выращивает, в том числе, людей, которые потом присоединяется к университету, но вот эта вот модель выращивания из ученика-подмастерья коллеги и преподавателя - такой вот, если у нас какие-то ярлычки, инбридинг, да, вот часто это называют таким словом - эта модель уже уходит в прошлое. Люди, которые приходят преподавать в университеты - это сейчас чаще люди, у которых есть не только академический бэкграунд, люди, которые считаются успешными выпускниками университета, это не только люди, которые выбирают академическую карьеру. В этом смысле всё гораздо более сложно.

А есть какие-то науки или дисциплины, которые страдают от этого изменения? То есть, например, если мы говорим про экономику, или финансы, или социологию, или какие-либо еще дисциплины, где очень понятная практико-ориентированная как бы часть, то там эту логику легко воспринять. А - я не знаю - в филологии или истории это не становится проблемой?

Для гуманитарных дисциплин в широком смысле это, конечно, проблема. Если тебе интересно изучение раннего Гегеля, довольно сложно говорить о том, что смычка университета, например, с индустрией, или с digital humanities, или еще с чем-то - она тебе как-то поможет что-то понять новое про Гегеля и немецкую классическую философию. Тебе бы хотелось бы, чтобы люди, с которыми ты обсуждаешь Гегеля, это были люди, сфокусированные там... Конечно, гуманитарные дисциплины, в первую очередь, страдают. И это не российский тренд - это общая планетарная ситуация, эти проблемы есть в массе стран, и университеты пытаются каким-то образом про это думать.

Но пока не придумали?

Нет.

Понятно, спасибо. Меняем немножко тему. Собственно, книга про университет в России - далеко не первая книга, в которой ты один из авторов. И разные книги - о профессиональной экономике сначала, потом всё больше о высшем образовании - ты пишешь уже, кажется, лет 20. А вот скажи, пожалуйста, что-то меняется в том, как ты пишешь академические тексты? Поменялось ли что-то в рынке, если он есть? В контексте? В тебе как авторе? Что меняет процесс работы над академической книгой?

Я действительно соавтор нескольких книг, но последние книги, которые мы делали вместе с коллегами были в большей степени такая командная работа над неким коллективным трудом: мы собирали под имеющуюся у нас задачу или вопрос людей, как правило, из разных стран, и в книге, которая получалась, звучали голоса этих людей. Да, моя задача как ответственного редактора была сделать так, чтобы этот хор звучал в унисон, чтобы это было интересно, полифонично и так далее, но всё равно это было сохранение голосов. В книге, которую ты пишешь как автор или как соавтор, твоя задача - сделать так, чтобы вместе с соавтором или соавторами, если их несколько, мы представляли один голос. И это очень сложно. Потому что это не просто договоренность про какие-то вещи, что вот давай про эту будем думать так или сяк. Это как бы формирование такого коллективного рассказчика со своим уникальным голосом, который перестает быть немножечко твоим голосом, не является в той же степени голосом твоего соавтора, но с которым ты должен вот несколько лет прожить. И это сложно. Потому что ты начинаешь с этим рассказчиком спорить. Тебе хочется, чтобы он звучал твоим голосом, и ты всё время думаешь, как с этим докладчиком договориться. Я перечитывала две книжки, которые мне помогали в этой работе. Во-первых, это короткий рассказ Ильфа и Петрова про то, "Как мы пишем вдвоём", и это было очень похоже на нас с соавтором, и меня это морально поддерживало. Я думала: "О, ну, у них получилось, у нас тоже должно получиться!". А вторая книжка - это, мне кажется, незаслуженно забытая книжка Джерома Джерома "Как мы писали роман". Наша история, мне кажется, заканчивается более оптимистично, потому что мы всё-таки напечатали книжку, но получили то же количество удовольствия и то же количество разнообразных историй, как эти джентльмены, которые пытались сделать это у Джерома Джерома.

А вот тут любопытно: если говорить не про интонацию, а про какие-то содержательные - да - про взгляд на вещи: итоговая книжка - это... она - весь предмет? Она вся - предмет консенсуса, или есть какие-то части, с которыми ты продолжаешь быть несогласной, и какие-то части, с которыми продолжает быть не согласен соавтор? Или итоговый текст - это вот то, где вы про всё договорились?

Вот когда наши читатели увидят книжку и прочтут книжку, они, наверное, возможно, зададутся вопросом, почему мы так мало высказываем авторское мнение? ЕГЭ - это хорошо или плохо? Массовизация - это хорошо или плохо? То, что сделали большевики в двадцатые годы в реформе доступа к образованию и содержания образования - это хорошо или плохо? И читатель задастся вопросом: а почему вот так мало сказано про то, собственно, как авторы про это думают? Наша задача была, в первую очередь, рассказать про исторические взаимосвязи и логику того, как разные компоненты системы взаимосвязаны между собой, как бытование преподавателей определяет характер студенчества, как, условно говоря, дизайн университетской системы влияет на людей, которые в ней находятся? Поэтому было не очень много вещей, про которые приходилось договориться, потому что договариваться вот надо когда, там, мы хотим, например, покрасить стенку в желтый - в какой-то цвет. Я хочу в жёлтый, там, например, другой человек хочет в синий - вот приходится договариваться, какой это будет цвет и, возможно, будет зелёный, который будет не нравиться ни одному, ни другому. Но взгляд на вещи - это, в первую очередь, обращение к литературе, обращение к данным, обращение к эмпирике и рассказ об этом читателю так, чтобы читатель сам из этого делал выводы. Поэтому отличительная особенность нашей книги - что вы увидите в ней массу эмпирических данных - некоторые, возможно, скажут, что их слишком много, но мы хотели бы, чтобы у читателя, если его заинтересует какой-то вопрос, была возможность самому эти данные увидеть и самому попробовать из этого делать свои выводы. В этом смысле это такая история с открытым концом, с открытым началом.

Вообще, конечно, я же любопытная и мне хочется посмотреть, что у вас с соавтором получилось про российские университеты, но если речь не про вашу книгу, то как мне, человеку, от академического мира далекому - ну, и наверняка я не одна, среди наших слушателей тоже есть такие люди - вот если мне захочется представить, как устроен мир академии, то какие художественные, non-fiction книги ты бы порекомендовала про это прочесть?

Прежде всего, я бы хотела ещё рассказать, что вот университет - это в первую очередь не про университет, а про общество, поэтому очень многие вещи про университеты помогают понять книги про общество. Например, есть замечательный историк Шейла Фицпатрик, есть несколько переведенных ее книг на русском языке, в частности, мне кажется, "Русская революция" и "Команда Сталина". Это книжки про определенный исторический период, но, читая их, ты понимаешь, как устроено общество, и потом, когда ты пытаешься разобраться, например, с историей университетов того времени, ты это лучше понимаешь, потому что понимаешь контекст. Но если говорить про вот конкретные книжки про университеты, я бы, наверное, назвала несколько. Первая книжка, которую я очень рекомендую всем, кто пытается понять, как устроен университет с разных сторон, это книжка Генри Розовски - она на русском языке называется "Университет: руководство для владельца". Генри Розовски с середины семидесятых годов был деканом Гарвардского университета, деканом экономической факультета, и он фактически был тем человеком, который консолидировал и привел факультет на вершину - сейчас бы сказали - мировых рейтингов, ну, просто сделал его лучшим университетом, лучшим факультетом мира. Вот, и он написал книжку про, ну, условно говоря, один день гарвардского декана, один день университетского декана. И он рассказывает, как устроен его день, и с кем он встречается: вот он встречается со студентами-выпускниками, вот он встречается с профессорами и комиссией, которая принимает решение о найме нового преподавателя, вот он встречается с донорами - и так далее. И через рассказ про эти встречи он рассказывает про то, почему эти люди важны для университета, как вообще устроен университет. И это совершенно замечательная книжка. Мне кажется, что её может прочесть любой - от будущего студента и его родителя до человека, который сам занимается управлением университетскими командами. Это прекрасная книжка.

Если говорить про художественные книжки, то их, конечно, тоже довольно много, но, опять-таки, они именно не про устройство университета, а про жизнь людей в университете, потому что всё-таки университет - это корпорация профессоров. Поэтому прикольные книжки - они только про профессоров. Я бы, наверное, упомянула две. Это книжка Антонио Байетт "Обладать" - замечательный

рассказ про то, как два филолога находят редкий документ в библиотеке и начинают разбираться о том... с тем, что стоит за этим. И там рассказывается масса разных историй про то, как на самом деле устроен университет. Вообще Байетт, мне кажется, замечательная писательница, и это одна из, бесспорно, ее лучших книжек. Есть - кстати, мы почему-то пошли по британской литературе - есть замечательная трилогия Дэвида Лоджа (ее ещё называют "университетской трилогией"). Там три книжки: одна книжка называется, мне кажется, "Университетский обмен" - про двух профессоров, которые получили саббатикал: один в Америке, другой - в Британии. Они поменялись местами, поменялись жизнями и так далее, и что из этого получилось. Вторая книжка про - кстати, сегодня, когда мы до сих пор не начали летать и перемещаться по миру, она выглядит немножко ностальгически - она называется "Мир тесен", или по-английски "Small World" - про роль академического туризма в жизни профессоров.

Наконец, если отвлечься от британской... британского континента, то есть прекрасная книжка - по крайней мере, мне кажется, что она достойна знакомства - это такой неаполитанский квартет Элены Ферранты, которую все почему-то считают такой женской литературой, женским романом в нескольких частях, но для меня это, прежде всего, очень глубокая книжка про роль образования в жизни человека, о том, каким образом недостаток образования воспроизводит социальное и жизненное неравенство, и о том, как устроена академия. Если первая книжка - это, в первую очередь, про школьное образование и проблемы доступа, и про то, как образование или его отсутствие меняет жизнь человека, то одна из последних книжек - третья, кажется, - она именно про то, как устроена итальянская академия: и про проблемы гендерного неравенства, и проблемы социального доступа в академии, и так далее. И это очень интересная история про то, как устроена, по крайней мере, некоторые части европейской академии. Так что я бы ее тоже рекомендовала.

Круто, спасибо большое. И, собственно, последний вопрос: почему-то приятно думать, что вот идёт учёный по улице, слушает песню, читает книгу, - и бац! - придумывает новый проект, новую теорию, какая-то появляется у него новая идея. Вот таблица элементов вообще может присниться, как известно. Вот скажи, пожалуйста, чем-то чтение художественной литературы помогает в исследовательской и преподавательской работе? И если да, то чем?

И мешает, и помогает. Мешает страшно, потому что в какой-то момент твоя роль как читателя и получателя удовольствия от чтения литературы, которая тебе присуща, мне кажется, с самого детства, - она подменяется ролью охотника за идейными микробами. Вот ты начинаешь читать какую-то книжку, даже художественную - фэнтези, женский роман, историческую прозу, что угодно - и вдруг ты себя ловишь на мысли о том, что ты думаешь: "Хм, это была бы хорошая цитата к главе номер три", или, например, "Надо бы, пожалуй, вот этот вот оборот использовать", или "Очень хорошая аллюзия, и вот мы здесь поставим сноску в нашей голове номер восемь". И в какой-то момент ты понимаешь, что, открывая книжку, ты начинаешь смотреть вот на это линзой такого старьевщика, которые думает, что бы такого вытащить. И для меня это было большой проблемой. Вот мы закончили работу над книгой, она наконец вышла, и меня отпустило, и теперь я с большим удовольствием читаю литературу, просто потому что ее можно читать.

С другой стороны, это помогает, потому что любая хорошая книжка любого жанра - это в любом случае про жизнь, а ты преподаешь студентам. Конечно, если ты преподаешь не линейную алгебру или матанализ, ты всё равно даешь студентам какой-то инструментарий, как им анализировать происходящую вокруг жизнь и что-то про нее понимать. И в этом смысле любая литература помогает тебе определённые вещи донести до студентов. Конечно, я очень грущу по тем временам, когда я приходила в аудиторию и читала лекцию, и я понимала что у меня со студентами общий литературный бэкграунд. Я могла привести пример какой-то цитаты, и мы с ребятами понимали, о чём идёт речь. Сейчас становится понятно, что надо искать другие средства коммуникации, что это не проблема нечитанности - что вот они такие нехорошие, что-то такое не дочитали - а того, что часто теперь студенты мыслят совсем другими категориями, в части получения вот этого такого жизненного опыта, и это некоторый вызов для академической профессии, на который, мне кажется, у нас с коллегами пока нету какого-то очень четкого ответа.

Круто, спасибо огромное!

Пожалуйста. Была очень рада ответить на твои вопросы!